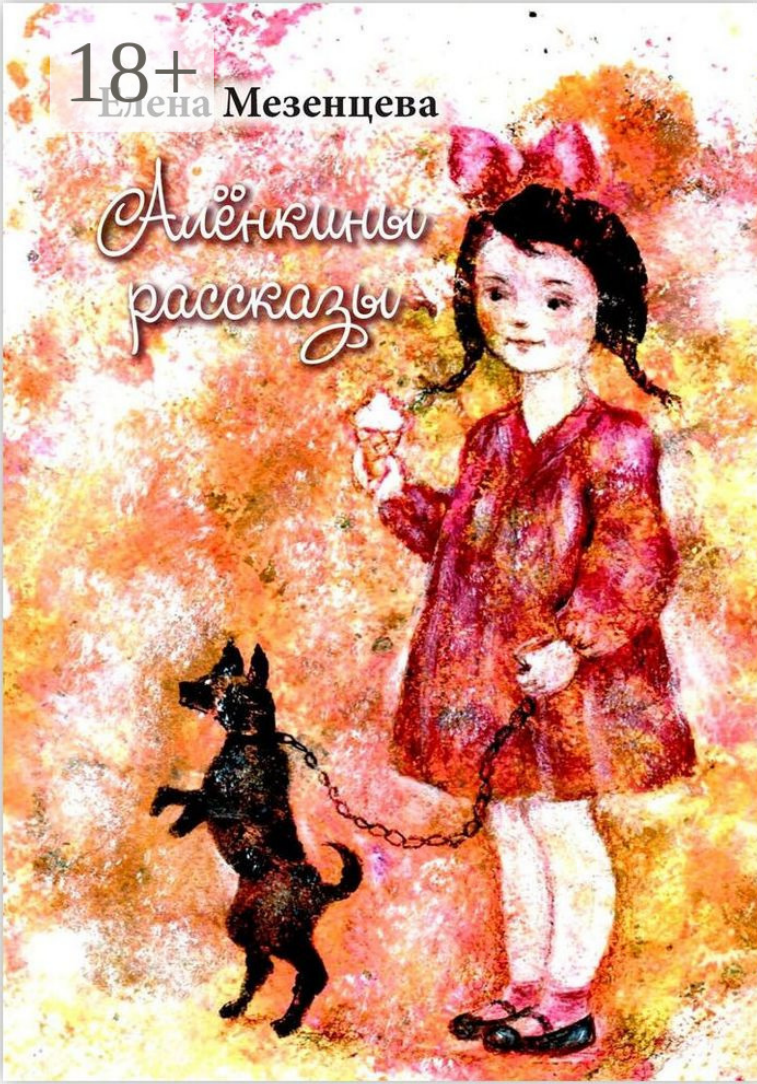
18+

Елена Мезенцева

Алёнкины рассказы

Елена Мезенцева

Алёнкины рассказы. Хроники детских фотографий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66035674
ISBN 9785005510594

Аннотация

Весёлые, трогательные истории из детства озорной, любознательной девочки Лены и её брата Лёни перенесут читателя в далёкие пятидесятые годы в город, названия которого уже нет на карте. Эта книга для бабушек и дедушек, которые с удовольствием окунутся в свои детские воспоминания, а также их взрослых детей и маленьких внуков, которые найдут здесь повод для улыбок.

Содержание

Вступление 5
Город Свердловск, дача городского головы (1954—1960 гг.) 9
Немного о себе 9
Папа 17
Мама 22
Тётя Маша 30
Летняя резиденция купца Симанова 34
Соседи 44
Санки 61
От любви до ненависти – одна ложка 66
Мыло 69
Чёлка 73
Лимон 76
Барышни 79
Крокодил 87
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Алёнкины рассказы
Хроники детских фотографий

Елена Мезенцева

Моей дочери Марии посвящается

Иллюстратор Татьяна Андреева

© Елена Мезенцева, 2025
© Татьяна Андреева, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0055-1059-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Всегда носите своё детство с собой, и вы никогда не состаритесь.
Том Стоппард

Детские воспоминания иногда скрываются на самом дне нашей памяти. Но они всегда начеку и ждут своего часа, потому что в них всегда столько любви, тепла и светлой грусти. Пробуждая их, мы позволяем себе стать на время теми счастливыми, озорными, непосредственными людьми и проще воспринимать своё настоящее.

Все истории, которые описаны в книге, происходили в городе Свердловске (Екатеринбурге) и в посёлке Батурино Томской области и охватывают период с 1954-го по 1964 год. Основаны они на детских воспоминаниях о событиях и людях, живших рядом, а подкреплены фотографиями из семейного архива.

Изменились названия города и улиц. Но не изменилось отношение и любовь к ним. Своё детство я вспоминаю с необычайным трепетом в душе и теплотой в сердце. Это самая счастливая и беззаботная пора, когда рядом мама и папа, любимые брат и тётя Маша, бабушки и много двоюродных сестёр и братьев, когда вся семья вместе. И проблемы решаются сами собой, а все желания непременно сбываются, благо-

даря всем сердцем любящим тебя родителям.

В это неповторимое время ты безоговорочно веришь, что жизнь – подарок и удовольствие, а ты в ней главный герой. Только в детстве можешь позволить себе такую непосредственность и естественность, открытость и изобретательность. Только в детстве ты не боишься перемен и чужого мнения. И можешь быть восхитительно неправильным для окружающих и уверенно счастливым для себя.

Детская память избирательна. Но из отдельных историй, подкреплённых фотографиями, как из пазлов, можно сложить целую картину. Картину под названием Счастье.

Алёнка

Город Свердловск, дача городского головы (1954—1960 гг.)

Немного о себе

Все события, которые описаны в этой главе, происходили очень давно, когда прошлое ещё было настоящим, в городе Свердловске (сейчас – Екатеринбург) на улице Жданова, 23 (теперь ул. Мельковская) с 1954-го по 1960 год в дачном доме бывшего головы города Екатеринбурга купца Ильи Ивановича Симанова

1956 год. Тётя Маша, Алёнка, папа, брат Лёня, мама

Алёнка

Я – Лена, семья и соседи зовут Алёнка, мне три года. Две

руки, две ноги, посередине нос. На нём конопушки с барского солнечного плеча. Ещё есть уши и щёки с ямочками. У меня уже прошёл тот период жизни, когда я обнаружила, что пальцы как-то нелепо смотрятся на моей руке. Совершенно не к лицу мне эти пальцы. Избавление от немодных аксессуаров я планомерно выполняла прищемляя их дверями и шкафами. Теперь я взрослая. Пальцы оказались совсем не лишними. Но я ещё в том возрасте, когда можно ненавязчиво задрать юбку, если на твоих трусах, в районе попы, самый красивый цветочек. Живешь исключительно настоящим, а отсутствие переднего зуба совершенно не влияет на твою самооценку. Мама с папой считают, что я красавица. Своё всегда лучше, чем у соседей.

Когда в октябре 1954 года я появилась на свет, то так всё вокруг меня сильно удивило и вызвало такой щенячий восторг, что я целый год не могла говорить. Но зато потом уже было не остановить.

У меня хороший характер, недостатков нет. Я застенчивая, весёлая, добрая, общительная, работящая, жизнерадостная, хозяйственная. У кого-то есть возражения? А ещё я заботливая. Вот только вчера вечером помогала брату Лёне, который старше меня на один год и один месяц, искать конфету, которую съела ещё утром. С лёгкостью организую беспорядок любого вашего дня. При помощи Лёни без труда захламлю всю квартиру. И вообще, мы с ним самые главные мамины помогальщики. Мне очень неловко публично себя

хвалить. Но кто другой если не я? Как вы сможете меня тогда полюбить?

Иногда мы с братом выясняем отношения на кулаках. Драться с Лёней можно только тогда, когда не видят мама с папой. А возникают военные конфликты из-за того, что у нас с ним всегда на всё один взгляд. И этот взгляд – мой!

Люблю петь, чем громче, тем лучше. Родители не всегда одобряют мой репертуар. Например, им не очень нравится «Цыплёнок жареный». А вот в нашем детском саду трогательную историю про жареного цыплёнка, который хотел жить, знают наизусть все мои товарищи. Мы часто поём её хором в песочнице. Судьба птички всегда оставалась печальной. Почему-то её арестовывали и требовали то паспорт, то монету, а то и вовсе пиджак.

А ещё родители критично относятся к песне «Шарабан».

Прощайте, други, я уезжаю
Кому должна я, я всем прощаю..
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я хулиганка.

Больше всего не люблю спать днём. Ведь солнце же кто-то включает с утра, чтобы можно было играть, петь, ходить в гости, копать песок, ловить бабочек, гонять голубей, «ароматиться» маминими духами «Красная Москва», да ещё много всяких полезных дел делать. Сон – это упущенные возмож-

ности. Мне некогда спать! Детство вот-вот закончится, качели станут малы, и ноги будут касаться земли. А лежать днём в детском саду заставляют тихо, с закрытыми глазами, даже если не спишь. Была у нас одна очень хитрая воспитательница, так она всегда перед сном говорила:

– Всё, детки, дружно закрываем глазки, кто первым уснёт, тому разрешу не спать.

Вот надо же было так дезориентировать доверчивую публику! Дневной сон для слабаков, это я точно знаю. Хотя взрослые наверняка считают, что самая гадкая привычка детей – не спать. Но никак нельзя просто так два часа из жизни вычеркнуть!

1957 год. Слева швея-мотористка Алёнка

А я жизнь люблю! Я даже однажды ревела минут десять из-за того, что солнышко спать пошло и вернётся только завтра. Мне очень хотелось проковырять в тёмном небе хоть одну дырочку для него.

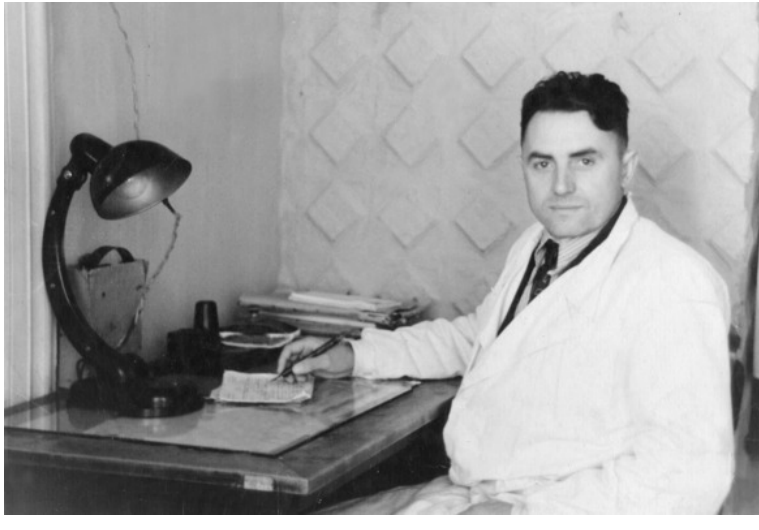
Бездеятельность – не мой конёк. Для меня это настоящая пытка. А что вы хотите от человека, который однажды, отбывая наказание в углу, ободрал все обои. Случайно!!! Подковырнула ногтем и всё. Дальше туман. Ничего не помню. Очнулась, когда радостный папа пришёл оповестить меня о свободе. И я выходила, безмятежно улыбаясь, вся в бумажных ошмётках. Не виновата я! Потому что спокойно постоять, полежать или посидеть – ну не моё. К сожалению в садике обоев нет, все стены краской покрашены.

Я думаю, все уже поняли, какая я классная? И скромная! Мама всегда говорит, что скромность украшает какого-то человека. Меня украшать не обязательно, я себе и так нравлюсь. Надеюсь, вы в меня уже успели влюбиться? Или мне ещё пройтись туда-сюда?

А в остальном я совсем обычная девочка. Ступаю то на правую, то на левую ногу, вылизываю миску, венчики и часть кухонной стены от остатков крема, когда мама печёт торт, немытыми руками проверяю, все ли зубы на месте. Иногда бываю не в меру любопытная, любознательная и разговорчивая, но очень надеюсь, что не порчу этим жизнь

окружающих.

Папа

1956 год. Всеволод Иванович Мезенцев

Мой папа – Всеволод Иванович, врач-окулист. Для нас с братом он – герой. Всю Великую Отечественную войну он спасал раненых в госпитале. Он лечит не только глаза, но и ставит всем желающим в округе уколы. Он вообще главный доктор нашего двора! Он просто для всех нас ангел-хранитель в белом халате. Мама говорила, что папа ещё операции на глазах делает, но это уже за гранью моего понимания.

Один товарищ брата по песочнице, когда пришла его оче-

редь колоться, заявил родителям:

– Укол разрешу делать только Лёнькиному папе. Штаны перед тёткой снимать не буду!

Вот такие в наше время целомудренные юноши.

А ещё папа ловко умеет выворачивать наизнанку глаза, когда соринки достаёт. Но это зрелище не для слабонервных. Я с мусором в глазах хожу только к маме.

Папа очень добрый. Его все любят. И он любит всех. Меня прямо разрывает на тысячу маленьких Алёнок при мысли, что именно он мой папа. Он совершенно не умеет ругаться и повышать голос. Когда он идёт по улице Свердлова, где находится его поликлиника, с ним здороваются почти все встречные. Наверное, он им всем глаза выворачивал, соринки доставал. А может быть, уколы ставил или очки выписывал.

Я тоже у него очки просила выписать, считая, что стану в них очень умной, сразу смогу читать книжки и буду знать так много всего, как знает папа. Но в очках мне было отказано. Пришлось притвориться подслеповатой и, расхаживая по комнате, сообщать ему, что ничего не вижу. Он почему-то не верил. Тогда я совсем закрыла глаза. Дело закончилось тем, что налетела на стол, или он на меня, и набила себе шишку на лбу. Об очках пришлось забыть.

Меня папа немножко побаивается, но иногда соглашается укладывать спать. Мамины колыбельные всегда про зайчиков и котиков, иногда припугнёт серенким волчком, ко-

торый кусает крайних. Папа же всегда подходит к делу основательно, по-взрослому. У него отработанный репертуар. В него входит стихотворение «Бородино» и две песни, одна из них – «Варяг». Помните слова?

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Я пытаюсь ему подпевать, но папа объясняет, что я путаю роли. Он должен петь, а я – спать.

На бис всегда «Казачья колыбельная» М. Ю. Лермонтова. Уснуть надо попытаться сразу после первого куплета, чтобы не слышать второго.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал.

Папа, проявив все свои артистические способности, с чистой совестью удаляется в другую комнату. А в моём окне за шторой сразу вырисовывается во весь рост силуэт этого злого чечена, который не только успешно дополз до берега, но и каким-то невероятным образом ещё и до нашего под-

оконника. Он и кинжал успел наточить! И теперь его клинок зловеще поблескивает в лунном свете. От ужаса волосы встают дыбом, кровь стынет в жилах, а сон надолго улетучивается. Мне приблудившиеся злые чечены за шторой, вообще, не нравятся. Но этот ведёт себя тихо, кинжалом не размахивает, усами не шевелит, папахой не трясёт. Можно было бы, конечно, рвануть штору и спросить:

– Здравствуйте, вам тут не дует?

Но я предпочитала ничего не предпринимать, а просто лежать, моргать и бояться.

Папа, конечно, не виноват. Он честно выполнял свои обязанности. На котиков, зайчиков и прочую ерунду не заморачивался. И мы с братом на всю жизнь запомнили эти чудесные стихи и песни.

1955 год. Алёнка, мама, тётя Маша, Лёня, папа

Мама

Мама – самая лучшая должность на свете! Моя мама – Августа Константиновна, заведующая отделением в механико-технологическом техникуме. Она у нас главная в доме и лучшая на планете.

Самая добрая, нежная, милая, да ещё модница и красавица. Не зря я ей себя доверила. Кроме нас с папой, маму очень любят её ученики. Мне даже приходится иногда напоминать им, что это моя, а не их мама. Она добрая и весёлая. Знает много стихов и песен.

А ещё мама очень храбрая. Однажды она встретила в Сибири, в тайге, медведя. Испугалась, конечно, немножко, но не показала ему этого. А просто решила, что им не по пути, и пошла в другую сторону. Даже корзинку с ягодами не бросила. Медведь был того же мнения и пошёл по своим делам. Чего с мамой связываться? И правильно сделал, а то бы получил по первое число.

Знакомый запах свежеиспеченных мамой на завтрак блинов всегда погружает нас в счастливые выходные. Тонкой струйкой их аромат заполняет каждый уголок нашей квартиры. А мама, небрежно поправив прядь волос, тем самым испачкав её мучной пылью, ловко управляется половником и сковородой. Она умеет всё! Варить, стряпать пироги, печь торты, стирать, шить, вышивать, вязать, петь песни, наря-

жать нас с братом, белить печку, кататься на лыжах, ловить рыбу и ещё много чего. Совсем недавно она всю меня огорошила, сшив за один вечер мне платье в горошек. Я сразу ей сказала:

– Ну, сейчас я такая красавица буду, что вам всем мало не покажется!

1956 год. Мезенцева Августа Константиновна

Мама всегда интересовалась, чем нас кормили в детском саду, и всё ли нам нравиться. Меня устраивало всё кроме винегрета. Я честно призналась, что не ем его никогда. На это

мама ответила, что она на моём месте от него бы никогда не отказалась. В очередной раз, когда за обедом появилась тарелочка с этим блюдом, я вспомнила мамины слова. Решение пришло мгновенно. Винегрет тут же оказался у меня в кармане платья. Второй карман заполнила порция соседа по столу. Не важно, что ещё с утра эти карманы были заполнены песком из песочницы. Его я перед обедом успела вытряхнуть. Зато как обрадуется мама! Она была немного потрясена, но объявив мне благодарность, почему-то попросила больше так не делать. А что не так то? Неужели разлюбила винегрет?

Случались у нас с мамой и недоразумения. Однажды она нарядила меня в садик в новое, необычайно красивое светлое платье в кружевах. Детсадовский коллектив по достоинству оценил обновку. Воспитатели охали и ахали, подружки раскрыли рты от зависти. Ни дать ни взять настоящая принцесса! Я гордо дефилировала по группе, демонстрируя свой наряд. На прогулке выяснилось, что в садик завезли новый песок. Туда-то я и бросилась с головой, руками, ногами и остальными частями тела. Принцесса подождёт! Мы строили замки, рыли норки, присыпали себя песочком из ведра,

стряпали пирожки. Платье несколько утратило былой лоск, но это для меня не было так важно в тот момент. Мама, забирая меня вечером, так не думала. Ей явно не понравился выпачканный наряд. Она стала стыдить меня за безответственное отношение к новым вещам и пообещала, что больше не разрешит мне ходить в обновках в садик.

На следующий день пришлось надеть чистенькое, но уже не новое платье. Но я решила порадовать маму. Мне обязательно понадобились подвиг и награда. Хотелось спасать утопающих, переводить через дорогу беспомощных старушек, тушить дом. Но никто поблизости не тонул, не горел и, вообще, не просил о помощи. Спасать, к сожалению, было некого. Весь день на прогулке просидела на скамеечке, наблюдая как в песочнице копошится молодёжь в белых панамках. Давалось мне это с большим трудом. Очень хотелось присоединиться к общей тусовке. Но я собрала всю силу воли в кулак и терпела, не позволив ни одной мухе приблизиться к моему платью. Грудь уже грела долгожданная награда.

1959 год. Алёнка с мамой и братом во дворе дома на Жданова 23

Вечером, увидев меня чистенькой и аккуратненькой, мама почему-то снова рассердилась. По её взгляду я поняла,

что речь, вероятно, пойдёт не о медали. Она решила, что я издеваюсь над ней.

– Ты что специально пачкаешь новые вещи, а старые бережёшь?! – возмущалась она. Вот и пойми этих взрослых!

В нашей семье есть специальная женщина, которая занимается нашим с Лёней воспитанием, в том смысле, если возникает необходимость нам в углу постоять. Эта женщина – мама. Как думаете, кто угол изучил лучше – Лёня или я?

Папа всегда при слове «угол» начинает нервничать. Мне кажется, он сам готов в нём постоять вместо нас. Поэтому затея ставить нас по углам ему самому в голову не приходит никогда. Затейница в нашей семье – мама. Но она не виновата, просто вынуждена это делать, потому что у неё очень слабое терпение, которое иногда лопается. А новое когда ещё надуется? Мы с Лёней это понимаем, сочувствуем маме, бережём её и от угла никогда не отказываемся.

Мама наполняет нас котлетами, компотами, витаминами, стихами, сказками, разговорами, шутками и любовью. Когда за тобой мама, такое ощущение, что позади целая армия. Она всегда рядом, даже когда её нет поблизости. Спасибо, любимая, что именно ты наша мама.

Тётя Маша

1959 год. Алёнка, Мария Константиновна, Лёня во дворе дома

Ещё у нас есть любимая тётя Маша – мамина младшая сестра. Мы живём все вместе. Для нас она – лучшая подружка и просто Маша. Она тоже не отстаёт от мамы по всяким умениям, а ещё читает нам книжки, поёт песни, учит с нами стихи, обнимается и разрешает кататься на подушке с ши-

рокой парадной лестницы. Мне кажется, что ей самой очень хочется с нами скатиться, но она просто стесняется. А может, и делает это, когда никто не видит.

1959 год. Тётя Маша и Алёнка

Она всегда лечит нам все ссадины и ушибы без лекарств, не отвлекая по пустякам папу. А лечит она их заговорами и заклинаниями:

– У вороны заболи, у сороки заболи, а у Леночки (Лёнички) заживи.

И это всегда помогает! Боль сразу утихает, только ворону и сороку очень жалко. Маша легко может убаюкать все наши слёзы и зашептать все разочарования.

Тётя всегда с нами играет. Потому что папе некогда, он читает свои медицинские книги и журналы. А мама – барыня какая, как только надо играть, стирать быстренько начинает. Тётя всегда на низком старте: готова раскачивать качели и если нужно – планету нам на радость.

Иногда по вечерам у нас с Машей возникает спор: нужно ли мыть ноги. Я – против, тётя – за. Я предлагаю компромисс:

– Давай помоем только одну!

И пытаюсь выяснить, какая грязнее. В итоге, по результатам считалки, получается, что самая грязная нога у Маши. Она отказывается признать поражение, и мне приходится мыть обе ноги.

У Маши много подруг. Хотя они уже взрослые, но мы с Лёней с ними тоже очень дружим. Одна из них, Эмма, научила нас с братом играть в шашки, а мы её – лепить пельмени. Она очень удивлялась, что мы такие маленькие, а уже

большие мастера в этом деле. А что тут удивляться? У нас в семье так заведено: научился есть пельмени – научись их лепить. Вот мы и научились. Я – быстро, Лёня – красиво.

Летняя резиденция купца Симанова

У нас в квартире две комнаты. Три окна наблюдают за огромными железобетонными колоннами элеватора, а одно любуется Верх-Исетским прудом.

Конец XIX века. Летняя дача головы города Екатеринбурга И. Симанова. Левое окно второго этажа – наша спальня, справа – большое витражное окно на парадную лестницу.

У меня есть своя кровать. Но я подозреваю, что до меня её опробовал Лёня. Удобнее всего, конечно, спать с мамой,

скинув на пол папу. Но об этом даже мечтать нельзя. Тут же нарисуется братец, и маму придётся делить.

В каждой комнате есть печка. На одной мама с Машей готовят, а у второй даже имя мудрёное есть – голландка. Она круглая, высокая, обита железом и покрашена в чёрный цвет. В общем, вся такая важная фифа, воображала!

А ещё у нас в деревянной кадке растёт большой модный фикус с огромными листьями. Я его не люблю. Ну сами посудите: лазить по нему нельзя, с обезьянами и попугаями катастрофически напряженно, а по ночам его листья, как огромные страшные птицы, кружатся недалеко от моей кровати. Нет, это определённо не мой ботанический герой.

Однажды я попыталась исправить положение, уговорив соседскую кошку стать, хотя бы на время, шимпанзе. Я подробно объяснила ей глубину образа и ознакомила со сценарием. Сказать, что она была счастлива, было бы сильным преувеличением. Сначала она упиралась, показывая, что ей не по пути с новоявленным режиссёром. А потом, когда за хорошую работу ей была обещана свежая сметана, и не возражала вовсе. Но как только с помощью меня и табуретки она оказалась на верхушке фикуса, то сразу перестала прикидываться положительной героиней, забыла свою роль и наш уговор. Бездарная актриса, не успев перекреститься, с выпученными глазами и с истошным криком бросилась на меня сверху шерстяным торнадо, повалив на пол. Она пробежала по потолку, опрокинула герань и повисла на што-

ре. Лицо моё и руки от такого броска были немножко подпорчены. А вся так тщательно продуманная и спланированная операция по разведению обезьян в домашних условиях с треском провалилась. Не обнаружив в комнате пятого угла, киса подняла хвост и на четырёх негнущихся средствах передвижения бочком проследовала к выходу. Дыбом у актрисы стояли даже брови.

После этого при каждой нашей встрече во дворе, эта дикарка всем своим видом сигналила: «Всем держаться подальше от этой любительницы шимпанзе!» Видимо, кошка какая-то неправильная попалась.

Воды, как и туалета, в доме нет. Воду надо носить в вёдрах с колонки. То ещё развлечение! Купают нас с Лёней в железной ванне. Её ставят на два табурета. Воду в вёдрах нагревают на печке. Можно в ней просидеть хоть час. Но воду на пол выливать не разрешают. И делать перекладину, уцепившись ногами за один край ванны, а зубами за другой – тоже нельзя. Даже нырнуть с головой в пенную пучину не всегда удаётся. Правда, кораблики пускать разрешают. И на том спасибо.

Дом, в котором мы живём, – замечательный деревянный двухэтажный, с высоченными потолками. На первом этаже находится наш детский садик и классы ФЗО (школа фабрично-заводского обучения). На втором этаже широкий коридор, вдоль которого располагаются двенадцать квартир преподавателей и сотрудников техникума, где работает мама. Коридор такой большой, что по нему можно даже на велоси-

педе гонять, если бы он у нас был.

Раньше, до 1917 года, наш дом назывался летней дачей городского головы Ильи Ивановича Симанова. В конце XIX века у него в Екатеринбурге была огромная территория в 54 гектара, которая занимала всю площадь будущего стадиона «Динамо».

Конец XIX века. На заднем плане правого берега мельница Симанова, а правее – его дача

Конец XIX века. Вид из дома резиденции на городской пруд и парк

Кроме всем известной мельницы, на участке располагался благоустроенный парк, где находились красивые беседки, пышные цветники, игровые площадки и та самая благоустроенная двухэтажная дача, в которой мы сейчас живём. Были здесь баня, купальня, кегельбан, цветочные и плодовые оранжереи, зимний сад, пальмовые, ананасовые и огуречные теплицы.

Не обошлось и без конного двора с рабочими лошадьми и выездными рысаками. Был даже лодочный причал.

Конец XIX века. Пристань для прогулочных лодок на заднем плане дача

Дача была электрифицирована и телефонизирована, что было для Екатеринбурга тех лет настоящим чудом. Первая телефонная линия появилась в Екатеринбурге в 1884 году, когда 34-х летнего Илью Симанова избрали городским головой, который на свои средства и провёл эту линию. Она связала его кабинет с полицейской управой и мельницей. Илья Иванович продолжал заниматься мукомольным делом, поэтому на мельнице и понадобился телефон. Прямая Связь между Москвой и Свердловском открылась только в 1930 году.

В 1889 году парк был открыт для публики. Вход был бесплатным и только днём. По его дорожкам и аллеям можно было прогуляться, а на пруду – покататься на лодках.

От этой красоты и великолепия нам достался только деревянный дачный дом с высокими потолками и большими окнами, но уже без всяких удобств. Хотя старая кирпичная водокачка ещё стояла недалеко на берегу, напоминая о былом комфорте, но ей уже никто не пользовался.

Конец XIX века. На заднем плане на берегу справа лодочная пристань.

Левое одноэтажное крыло дома было снесено. Вместо него появился забор, отделяющий наш дом от территории элеватора, строительство которого началось в 1936 году.

И стал наш красавец однокрылым. Но он не считает себя инвалидом. Гордо держит марку. А мы его и таким любим.

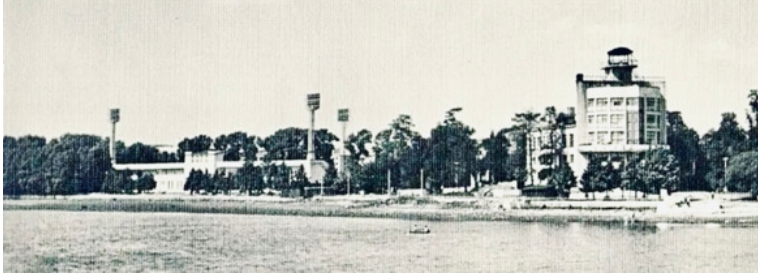
Об огромном участке напоминает только небольшой кусочек парка со старыми липами и тополями рядом с мельницей. Они наверняка ещё помнят и нарядных барышень, и их кавалеров, гулявших по аллеям старинной усадьбы. Из игровых площадок чудом уцелела только одна – для игры в городки. Чурки (городки) и биты никто не убирает. Пользоваться ими могут все желающие.

Конец XIX века

Прошло время, деревья состарились, но успели познакомиться с нами, маленькими обитателями бывшей Симановской дачи. На всей остальной территории расположился замечательный стадион «Динамо».

Вид на стадион «Динамо» с городского пруда

Соседи

В доме нашем было 10 квартир, двери которых выходили в общий длинный, широкий коридор. С соседями нам очень повезло.

1957 год. Томочка, Вова и Вера Милосьевна Бабиевы

Напротив от нас жила семья Бабиевых. Мама, Вера Милосьевна, работала преподавателем вместе с нашей мамой.

Больше того, они с мамой вместе учились в институте в Москве. Во время Великой Отечественной войны, осенью 1941 года, молодыми студентками копали оборонительные окопы на подступах к столице, а на крышах домов гасили фашистские авиационные зажигательные бомбы. Папа, Валентин Христофорович – просто герой песни «Наш сосед»:

Как теперь не веселиться,
Не грустить от разных бед —
В нашем доме поселился
Замечательный сосед.
Мы с соседями не знали
И не верили себе,
Что у нас сосед играет
На кларнете и трубе.

Правда, наш сосед играл на тромбоне и выступал в Оперном театре! Но всё было так же, как в той самой песне:

Утром зазвонит будильник,
Мне будильник ни к чему,
Потому что доверяю
Я соседу своему.

Может, всё-таки песню про него написали? Полдня мы могли наслаждаться звуками чудесной музыки, которые разливались по всему дому. Валентин Христофорович крайне художественно и виртуозно мучил свой инструмент. На кон-

церты можно было не ходить. А вам так везло?

Томочка с папой Валентином Христофоровичем 1956 г.

А ещё у них была дочка Томочка, будущий учитель музыки. Она была всего на полгода младше меня, но мне всегда казалось, что она совсем крошка. Маленькая, кукольная, с огромными карими глазами, длиннющими ресницами и волнистыми волосами. У Томочки был старший брат Вова с другой, но очень красивой фамилией – Гуня. Я даже думала, что это его второе имя.

1959 год. На первомайской демонстрации Алёнка, мама Августа Константиновна, Лёня, Томочка и её мама Вера Милосьевна

Рядом с Томочкой жила моя подружка Фая Бутакова с родителями Дмитрием Захаровичем и Марией Ивановной. Ей посвящена отдельная глава «Море».

На первом этаже нашего дома, прямо перед запасным входом на кухню садика, была единственная квартира. В ней жили папа, мама, которая работала на молочном заводе, сын Валера, мой ровесник, и его младшая сестра Наташа.

1958 год. Лена в гостях у Фаины Дмитриевны, Дмитрия Захаровича и Марии Ивановны Бутаковых

Как-то наша тётя Маша несла в бидоне молоко, которое купила в соседнем доме, где держали корову. Валерка по-

интересовался, откуда молоко. Тётя Маша объяснила, что от коровы. Он топнул ногой и чуть не лопнул от возмущения.

– Какая такая корова?! У какой коровы?! Молоко моя мама на заводе делает!

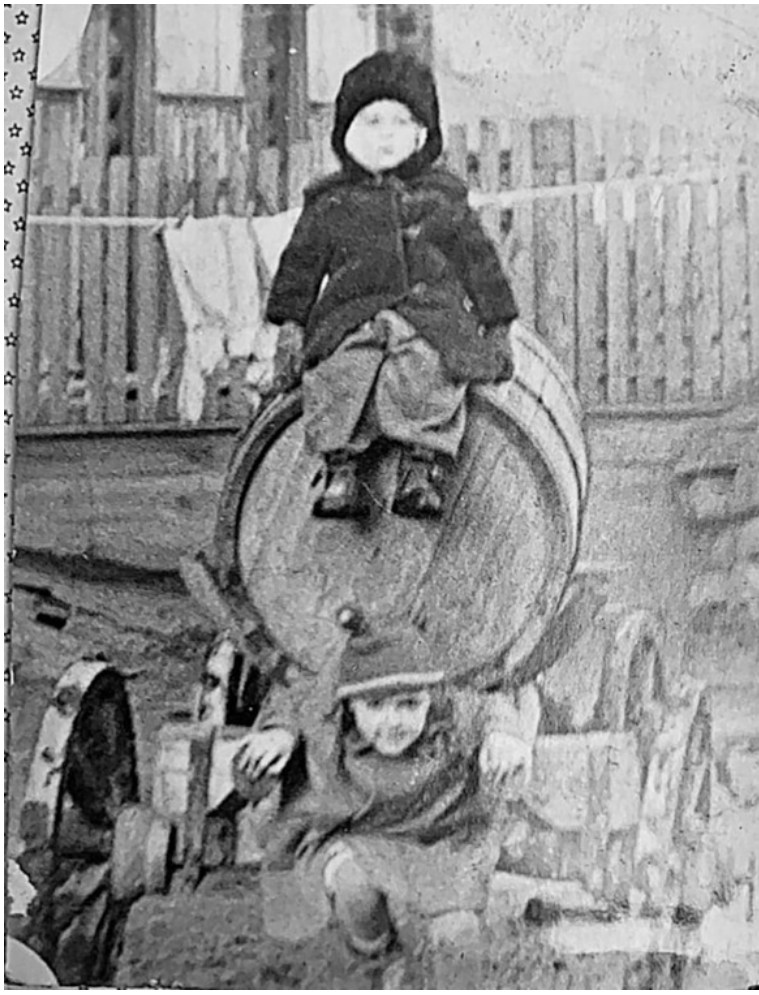
Ещё Валерка был обладателем замечательных оттопыренных ушей. Лето просвечивало их солнцем, и они, на зависть нам, становились ярко-розовыми с красными прожилочками. Но это только если уши топорщатся, если – нет, вам, увы, не повезло.

1961 год. Во дворе дома соседка сестра Валерки Наташа

и племянница Фаины Бутаковой Лена Веселова

Больше всего мы дружили с семьёй Униговских. Мама, Дора Исааковна, была добрейшим человеком. Она пекла самые вкусные пироги и торты, запах от которых витал по всему коридору, и все соседи сразу сбегались на дегустацию и за рецептом. Мы с братом всегда, придя из садика и не застав дома родителей, могли рассчитывать на приют и обед у тёти Доры.

На бочке сосед Валерка, внизу Алёнка

Однажды она предложила мне вафельные трубочки с кремом. Это было то самое лакомство, которым мама заманивала нас с Лёней в баню. Мы не любили туда ходить, потому что нужно было стоять в длинной очереди. Но там в буфете продавались эти самые хрустящие трубочки, и нам их всегда покупали. А тут они лежали на тарелочке и нестерпимо пахли ванилью. Но я сильно застеснялась и выпалила:

– Я совсем не люблю эти трубочки, нам их мама только в праздники покупает!

Но тётя Дора всё-таки уговорила меня. Сказала, что сегодня как раз и есть замечательный праздник – среда!

Ещё благодаря ей я поняла, что принадлежу к самой лучшей половине человечества. Однажды, когда мне было три года, в день 8 Марта, она пригласила меня в гости и вручила подарок – красивую эмалированную кружечку нежного жёлтого цвета с анютиными глазками. Я была в восхищении. Лучшего подарка на день 8 Марта мне никто не дарил. Тогда я и поняла, что кроме дня рождения и Нового года у меня есть ещё один праздник – женский.

Как-то тётя Дора принесла нам серого полосатого котёнка неопределённой национальности. Сколько же радости у нас с братом было! Назвали его Подарок. Жил-был у нас этот Подарок, пока однажды не родил пять замечательных котят. И такое в жизни бывает. Спасибо вам за все, дорогая Дора Исааковна.

1958 год. Алёнка и Лёня с котёнком Подарком

Папа, Борис Яковлевич, был очень серьёзным человеком. Он преподавал химию и тоже работал вместе с мамой. А ещё он читал важные лекции в обществе «Знание». Но тем не менее соглашался иногда посидеть со мной. Тогда я была в том юном возрасте, когда сидячая поза мной была ещё не освоена. Я мирно лежала в кровати и очень внимательно слушала, как дядя Боря читал мне с выражением газету «Правда» или «Известия». Я не возражала, видимо, советская пресса мне нравилась. Он даже писал про нас с Лёней заметку в газету

«Путёвка», в которой вспоминал, как Лёня в первом классе вернулся из школы и всем хвастался, что получил сегодня четыре с отнятием.

1957 год. Яша и Женя Униговские

Их детей, Яшу и Женю, я вообще считала нашими братом и сестрой. Мне четыре года, Яше – одиннадцать. Он возвращается из школы, а я томлюсь в детском саду, топчу песочницу от звонка до звонка. Такой сценарий меня совершенно не устраивал. От площадки детского сада наш двор отделяет

только забор.

– Яша, спаси! – умоляю я.

И он никогда не отказывал. Сдвигал доску в заборе, и вот она – свобода! Мы шли с ним вместе к нему домой. Потом он открывал окно и спускал меня на крышу детского сада. Там всё было усыпано голубиными яйцами. Такого их количества я никогда в жизни не видела. А объяснялось всё просто. За нашим домом находился элеватор, где хранилось зерно. Поэтому голубей вокруг нас было видимо-невидимо! Я знала, что они очень глупые, потому что видела, как они пили сырую воду из лужи. А папа говорил Лёне, что этого делать ни в коем случае нельзя. И я не замечала, чтобы Лёня это делал. И Яша тоже не пил сырую воду из луж.

Ещё Яша в свои 11—12 лет умел делать много замечательных вещей. Как-то из железного обруча от бочки он сделал баскетбольное кольцо и прибил его на сарай, и мы с малышнёй наблюдали за соревнованием юных спортсменов. А потом Яша сделал ходули. Это уж совсем был полный восторг. Он превратился в великана и чинно расхаживал по двору. А мы с нескрываемым восхищением в глазах следили за ним.

Это Яша научил нас главному: как отличать съедобный снег от несъедобного, и почему зимой у воробьёв такая красная грудь.

Он был замечательным фотографом и часто использовал нас с братом в качестве фотомоделей. Однажды я была в гостях у Униговских, и он сказал, что будет читать мне «Сказ-

ки братьев Гримм», но только на немецком языке. И читал. Я рот от удивления не могла закрыть. Как это здорово у него получалось. Не беда, что не понимала ни одного слова. Главное, я впервые тогда слышала немецкую речь.

У входа в наш дом стояла на телеге бочка. В ней конюх дядя Миша привозил воду для детского сада. Однажды во двор влетела упряжка с бочкой, в седле сидел Яша, бесстрашно держа вожжи. Дядя Миша шёл следом. Неважно, что у лихого наездника после седла сильно болели ноги. Он был наш герой!

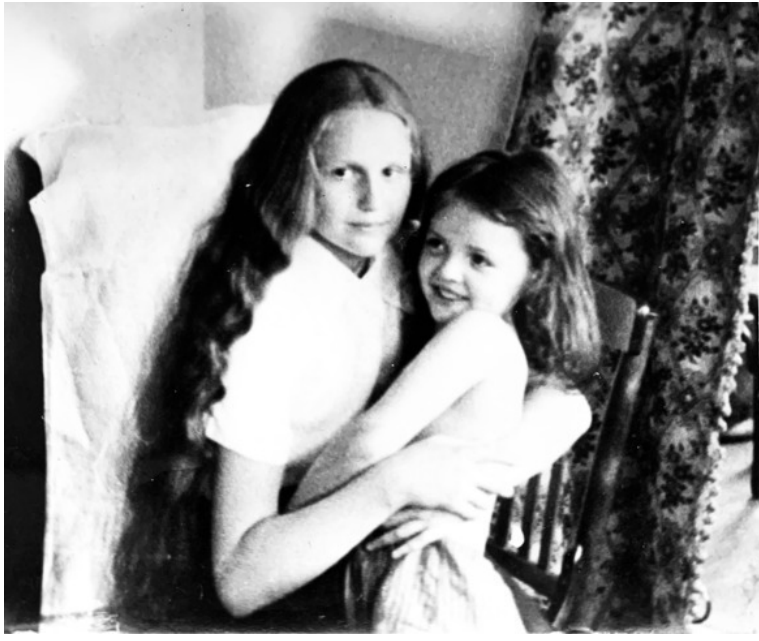
Кроме того, Яша был настоящий красавец, добрый и весёлый человечище, в будущем кандидат технических наук, старший научный сотрудник в университете Бен-Гуриона в Израиле.

В динамовский парк нам разрешали ходить только с Яшей. Осенью они с Вовой Гуней собирали огромные кучи из листьев, помогали нам забираться высоко на старые огромные тополя, и мы летели вниз в эти кучи, раскинув руки, представляя себя птицами и парашютистами.

Женя – длинноногая красавица с огромными карими глазами, в будущем ответственный руководитель одного из подразделений пассажирского хозяйства Свердловской железной дороги. Она была старше меня на пять лет. Но мы дружили с ней всю жизнь. Я ни у кого не видела таких чудесных волос. Они были густые, необыкновенного рыжеватого цвета и спускались ниже пояса.

Однажды она заболела, и мой папа её лечил. Женя после этого написала письмо в Москву на радио в редакцию передачи «Пионерская зорька». И это её письмо зачитали на всю нашу тогда огромную страну СССР! В письме Женя писала, какой замечательный мой папа и что она тоже обязательно, как и он, станет врачом. Потом по её заявке для папы спели песню.

А у вас были такие необыкновенные соседи? Их двери и сердца всегда были для нас открыты.

1959 год. Женя Униговская и Алёнка

Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться в городок.
На нашу улицу в три дома,
Где все просто и знакомо, на денёк.
Где без спроса ходят в гости,
Где нет зависти и злости —
Милый дом,
Где рождение справляют
И навеки провожают всем двором.

Спасибо тебе, наш милый дом, в котором никогда не закрывались двери квартир, наш добрый двор и наши замечательные соседи, за то что вы были в моей жизни.

Санки

1954 год. В санках Лёня, рядом Яша Униговский

Когда в сентябре 1953 года родился мой брат Лёня, магазины не баловали родителей изобилием детских колясок и санок. А уже в феврале брат приобщился к обществу таких же малолетних ясельных сородичей. В нашем дворе жил дедушка-умелец, который сделал для брата из фанеры замечательные голубые сани, напоминающие коляску. Прямо как в песне:

Санки сделал старый дед маленькому Ване.
Пес Буян пришёл смотреть, как несутся сани.

Лёню с утра укладывали в этот рукодельный транспорт и везли на встречу с ясельным коллективом. Прошёл год. В следующую зиму брат, уже освоивший позу сидящего, гордо ехал с мамой в санях, ещё не подозревая, что скоро ему придётся потесниться.

В один из октябрьских дней моя душа летела над лужами города Свердловска, водами Верх-Исетского пруда и заметила своих папу и маму. Меня не интересовали их заслуги перед отечеством и планы на жизнь. Я ещё не разобралась даже в том, что они были такие классные и что я полюблю их безусловно, безоговорочно и навсегда. Я сразу поняла, что мне как раз сюда и надо, потому что у них был красавчик Лёня. А это уже веский повод для создания организованной группировки. У меня не было никаких сомнений, что мне нужно приблудится именно к этой семье. Я пришла и здрасьте. Прошу любить и баловать. Опекайте, растите, воспитывайте и делайте из меня большого Человека.

Так, о чём это я? Вернёмся к нашим баранам, то есть к нашим саням. Лёня с самого начала молча игнорировал моё появление в его и только его дружной семье. В том своём юном возрасте он не хотел входить в одну мной задуманную группировку. А однажды капнула последняя капля в протекавшем ведёрке его терпения.

Настал мой черёд составить ему и его сопливым товарищам компанию в детском учреждении. В санях лежачее место было отдано мне, а ему пришлось пересесть на облучок, опустив ноги на моё укутанное тело. Этого он перенести не мог.

– Давай Ленку выкинем! – предложил он маме.

Выждал томную паузу и добавил:

– В сугроб или в мусорку.

Я к тому времени говорить ещё не умела, но уже усвоила папины слова, что в голове есть мозг, который мог думать. И мой мозг сказал:

– Выкинуть, конечно, можно, но ведь сразу подберут! Такие чудесные девочки на дороге долго не валяются! Вот вы прошли бы мимо такой ничейной красавицы?!

Но я всё-таки напряглась, вдруг маме понравится предложение моего «доброго» братца.

1955 год. Алёнка и Лёня

Придя в себя и обретя дар речи, она попыталась объяснить ему, что это не самая лучшая его идея. Я очень хорошо запомнила её аргумент.

– Нельзя Лену выкидывать. Не ты её находил, не тебе добро переводить.

Мама вынесла окончательное решение. И мы полным составом отправились дальше к нянькам и горшкам. Спасибо тебе, дорогая! Ты самый любимый, бесценный и значимый для меня человек в жизни!

А что Лёня? Об одном он тогда не догадывался. Что через много-много лет мы будем совсем старенькие и седые. Будем сидеть себе рядышком, и я, придерживая челюсть, бу-

ду зачитывать ему наши истории из моей книжки. А он будет хитро улыбаться своим беззубым ртом. Не потому, что ему смешно, а потому, что он меня любит так же сильно, как люблю его я. Пусть не с первого взгляда, но зато до последнего зуба.

От любви до ненависти – одна ложка

Любите ли вы горчицу так, как ненавижу её я?! Был чудный субботний вечер. У нас были гости. Дружная взрослая компания. Стол накрыт, нас с братом уложили спать. Мне два с половиной года, Лёне на год больше. Он уснул, а мне никак не спалось. Как можно спать, если там, в соседней комнате, что-то происходит?

В нашей квартире между комнатами дверей не было. Проём был прикрыт гобеленовыми шторами, и мне легко было наблюдать за происходящим, стоя в своей железной кровати. А там было много интересного.

Особенно меня привлекла изящная баночка на столе. В свете ламп она переливалась хрустальными гранями и разбрасывала вокруг себя разноцветных зайчиков. Гости передавали её друг другу и доставали малюсенькой блестящей ложечкой из неё нечто божественное. Я не могла оторвать глаз от этого действия. Если ложечка такая маленькая, значит, это самое главное блюдо нашего стола?! Как мне хотелось оказаться там, со всеми, за нашим большим столом. Как хотелось прикоснуться к этой волшебной баночке. Но я понимала, что ничем себя выдать нельзя. Иначе уложат в кровать и шторки задвинут.

1957 год. Алёнка

Сколько прошло времени, уже не помню, но наконец, гости засобирались, а родители пошли их провожать. Какая удача! Со стола ничего убрать не успели. Как только входная дверь закрылась, настал мой выход! Подобрав ночную рубашку, я выбралась из кровати, а на ней, между прочим, была натянута сетка! Пулей долетела до стола, забралась на стул, и вот она – эта вожделенная цель! Но время поджимало, родители могли вернуться с минуты на минуту.

Действовать надо было быстро. Маленькой ложечкой возиться было некогда! Решение пришло мгновенно. Схватив столовую ложку, я вытрясла в неё половину содержимого заветной баночки и мгновенно проглотила его.

И тут началось невообразимое – то, чего я не забуду никогда в жизни. Волосёнки мои встали дыбом! Глаза не то что на лоб – на затылок переместились и там отдельно горько плакали. Уши свернулись в трубочку, потом развернулись и застыли перпендикулярно голове. Горло горело так, будто я проглотила совок углей из печки. Из носа шёл пар. Мне казалось, что в животе у меня разгорается костёр, родители обязательно увидят его пламя и обо всём догадаются. В кровать бежать я боялась, вдруг случится пожар. Но выхода не было, пришлось прятаться под одеяло и тихо умирать.

Так любите ли вы горчицу так, как ненавижу её я?! На всю жизнь наелась.

Мыло

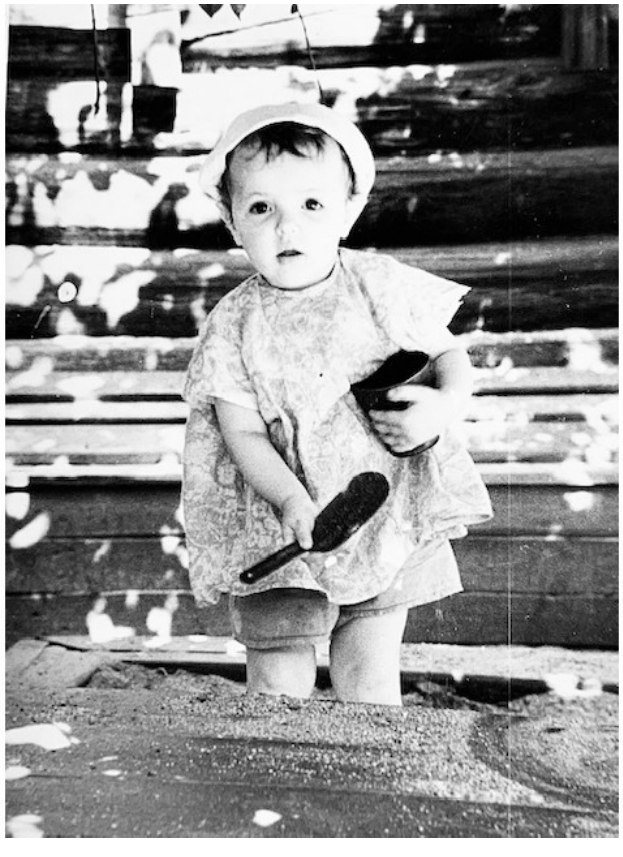
Мне почти три года. Как-то мама принесла домой пакет и объявила, что это подарок для её знакомой. Мы с Лёней сразу кинулись смотреть, что там. А там, в красивой коробке, был необыкновенный набор чудесного мыла. В шести отдельных ячейках лежали круглые, блестящие, разноцветные кусочки: белый, розовый, жёлтый, красный, зелёный и даже фиолетовый. От каждого из них исходил свой нежный тонкий аромат. На коробке вместо букв были нарисованы чуднЫе жучки, крючки и палочки. Такие же жучки были выдавлены на мыле. Мама сказала, что это особенное мыло, из Японии. А жучки – это буквы и слова, иероглифы называются.

Вы же знаете, что у меня очень тонкая душевная организация? Как нет? Что, правда думали, что я немного не в себе? Ну вы даёте! А ведь я всего лишь натура очень впечатлительная. Если что-то или кто-то попадает в моё сердце, я тут же заболеваю всей своей чудесной головой. Горчицу помните?

Коробка стояла на буфете два дня и не давала мне спокойно жить, лишила сна и аппетита. Я без конца подходила к ней, вставала на цыпочки и вдыхала этот заморский аромат. На третий день терпению пришёл конец. Оно просто разлетелось вдребезги на мелкие осколки по всей квартире. И я решила, что это японское чудо нужно обязательно по-

пробовать, хотя бы лизнуть. Не может же такое красивое мыло быть невкусным!

Дальше откладывать было нельзя. Скоро подарок отнесут по назначению. Лёню решила не привлекать. Самой мало достанется. Потом ему расскажу, какое был вкуснее.

1956 год. Алёнка

Выждав момент, когда взрослых поблизости не было, аккуратно достала первый. Вот он – розовый, ароматный, блестящий лежит в моей ладошке! Сначала решила только лиз-

нуть, но для дегустации этого оказалось недостаточно. Тогда аккуратно отгрызла двумя передними зубами маленький кусочек. В предчувствии удовольствия закрыла глаза. Но оно, как ни странно, не состоялось. Так себе оказалось на вкус это розовое мыло. Наверное, следующее будет вкуснее. Выбор пал на фиолетовое. Но и оно, к сожалению, не оправдало надежд. Ожидаемое блаженство так и не объявилось.

После шестого куска весь рот заполнился мыльной пеной с привкусом разочарования. Дегустация японского подарка с треском провалилась. Вот всё-таки не умеют японцы вкусное мыло делать. Красиво – да. А вкус явно подкачал. Наше земляничное значительно лучше. Можете даже не сомневаться.

Следы от зубов на мамином подарке меня нисколько не смущали. Я была уверена, что они ничуть не хуже, чем японские буквы – иероглифы. Кому придёт в голову обвинить меня в посягательстве на чужой подарок. Не так Лена воспитана! Я же только попробовать!

Чёлка

1957 год. Лёня и Алёнка с новой причёской

Быстротечное время безжалостно отгрызло три года моей жизни. За окном бушевала сирень. Весна всегда сеет смуту в женских сердцах и душах. И я поняла – пора. Пора становиться красавицей! Маникюр, педикюр тогда мне были ещё неведомы. Да и более зрелые девушки во времена моего детства не очень ими себя баловали.

Я уже пробовала с помощью мамы украсить себя конским хвостиком, но она его так сильно затянула, что мои глаза снялись с насиженных мест и закатились за уши. Зрение резко

упало. Затею с хвостом пришлось отложить до лучших времён.

Бантик вовсе не казался единственным украшением для моей пушистой головы. Тогда-то в ней и созрел замечательный план. Надо менять причёску, а точнее, обзавестись чёлкой. Но только не как у брата Лёни, а такой, чтобы полукругом легла вокруг моего гениального лба. Я уже представляла, как будет ошарашен народ от такой красоты. Как все будут восхищаться мной. Но это должно стать для всех сюрпризом!

Спать в тот вечер меня не пришлось долго уговаривать. Мамины портновские ножницы уже были надёжно спрятаны под подушкой. Они с нетерпение ждали встречи с гением парикмахерского искусства и его золотыми руками. Красота требует жертв – это знает каждая женщина. Мне пришлось жертвовать сном и ждать, пока все уснут.

И вот настал этот час! Ножницы поблескивали в твёрдой руке новоявленного парикмахера-модельера и уверенно делали своё дело.

Утром «восторгам» родителей не было конца, когда они увидели меня с распахнутым на встречу аплодисментам лицом. Они почему-то считали, что их создание должно быть длинношерстным и опрятным. А чёлка может испортить репутацию порядочной девушки. Возможно им даже показалось, что пока я спала, по моему лбу проехал малюсенький комбайн с нетрезвым водителем. Но дело было сделано, всё

выглядело живенько и свежо. Моё лицо очень подходило под эту божественно стильную причёску. Красавица состоялась!

Лимон

Лимоны в моём детстве были фруктами экзотическими. Они появлялись в доме редко и по особым случаям. Тогда они не лежали жёлтыми ароматными горками на прилавках, как сейчас. Их надо было доставать. Не в смысле сорвать с дерева, а через знакомых или случайно в магазине, отстояв большую очередь. Мне даже кажется, их продавали не на вес, а штучно.

Однажды маме повезло, и в нашем доме оказался этот волшебный солнечный плод. Мы с братом Лёней сначала долго любовались им, втайне завидуя обезьянам, которые имели к лимонам доступ в любое время и в неограниченном количестве. Мы думали, что эти фрукты растут исключительно в Африке, где и обитали эти самые обезьяны.

Вечером за ужином мама приготовила чай. Сняла корочку с лимона, а его прозрачные, сочные, кружочки опустила в наши с братом кружечки. Волшебный аромат разнёсся по всей комнате. Мы сначала нюхали чай, а потом, зажмурив от удовольствия глаза, отхлёбывали маленькими глоточками чудесный напиток. Но вдруг я заметила, что мама ту кожуру, что сняла с лимона, бросила в папин стакан. Я чуть не захлебнулась чаем от возмущения.

– Что ты делаешь?! Зачем ты кожуру кидаешь папе в чай?

Наличие бантика на темечке влияет на твою самооценку больше, чем отсутствие переднего зуба

Мама объяснила, что, оказывается, папа больше всего на свете кожуру и любит. Я подумала, что он не прав, но успокоилась. На вкус и цвет товарищей нет.

На следующий день на завтрак в садике у нас были варёные яйца. Я первым делом подумала о папе. Сколько много кожуры! Собрав её всю со своего яйца и от яиц соседей по столу, я набила ей полные карманы платья.

День в садике тянулся долго. Я не могла дождаться вечера. Как только мама разлила чай, я с гордостью и в предвкушении высыпала папе в стакан всю собранную скорлупу. При этом успела показать Лёне язык. Он же не вспомнил о папе, когда чистил яйцо за завтраком. Мама от «восторга» чуть не выронила чайник из рук. Но главное – папа! Мне показалось, он был очень доволен и оценил мою заботу. Ведь сегодня был чай с его любимыми кожурками! Гордость за себя и радость за папу делали меня счастливой.

Барышни

1958 год. Алёнка и Лёня

В детском саду случилась эпидемия гепатита. Брата скорая забрала первым. Я очень расстроилась. Почему ему всегда везёт? Как-то ему папа уколы ставил, Лёня рыдал, а мама за каждый укол подарки покупала. Однажды он потребовал бескозырку, и ему ведь её купили! А я?! Я готова была почти безвозмездно по два укола в день терпеть за один подарок. Особенно мне тяжело было пережить эту бескозырку. Я была уверена, что мне она нужна больше. Я уже представляла себя

в ней. И как я буду распевать свою любимую на тот момент песенку, вышагивая по парадной лестнице нашего дома:

Из-под горки катится голубое платьице.
На боку зелёный бант. Тебя любит капитан,
Капитан молоденький, звать его Володенька,
Через годик, через два будешь ты его жена.

Мне казалось, что бескозырка прямо создана для этой замечательной песни. Или песня для неё?

Я категорично настаивала на уколах и требовала равноправия. Однако в законной, по моему мнению, просьбе было отказано. Вот и теперь Лёня на скорой кататься поехал без меня.

Но есть на свете справедливость! На следующий день скорая и за мной приехала. Счастье настигло меня! Правда, в больнице мне определённо не понравилось. Я требовала свободы и немедленного возвращения к маме, потому что там за уколы подарков никто не давал.

Отбыв положенный срок в больничной палате, мы с Лёней обрели желанную свободу и вернулись домой. Садик для нас был закрыт на месяц. Родители на работе. А кто же с нами будет дома сидеть? И тут наша бабушка предложила свою подругу. Они вместе ещё в начале XX века учились в Орловском институте благородных девиц и получили великолепное образование. Звали её Марина Николаевна. Так у нас

появилась няня. Это была очень интеллигентная, красивая, статная, милейшая дама лет шестидесяти пяти. Она всегда была безупречно одета и причёсана. На голове был неизменный пучок из припудренных сединой волнистых волос. А все аккуратные, наглаженные платья неизменно украшал ослепительно-белый кружевной воротничок.

Алёнка

Она была уверена, что получила на попечение двух очень благопристойных деток. Будто английская королева приходилась им бабушкой.

Воспитание началось прямо с утра. Когда я появилась на завтрак в одних трусах и с причёской, не тронутой расчёской, Марина Николаевна мне тактично заметила, что барышни не должны в таком виде являться миру. И потребовала нарядиться и причесаться. Изумлению моему не было конца, оставалось только посочувствовать этим загадочным барышням. Неужели им никто не объяснил, что мы пришли в этот мир голыми? Голыми и уйдём. Голыми и нужно везде ходить!

Но пришлось одеться. Я и носки надела, пусть даже не парные. Я давно заметила, что на каком-то цикле стирки один носков всегда сходит с дистанции. И чаще всего навсегда.

Причесав кое-как волосы, присела за стол напротив брата, который строил мне рожи и показывал язык. Это было уже слишком! Марина Николаевна тем временем, повязав кружевной фартук, поставила передо мной тарелку с манной кашей. Лёнин язык не давал мне покоя и требовал ответных действий. Тарелка с кашей очень прицельно заскользила по столу в сторону брата. Час расплаты настал! Каша очень аккуратно переместилась на его рубашку. События развивались стремительно. Лёня летит в мою сторону, и мы кубарем катимся по полу.

Алёнка на бочке, в которой привозили воду для детского сада

Няня в шоке! Разведя нас по разным углам комнаты, она опять начинает мне объяснять, что барышни не имеют права так себя вести ни при каких обстоятельствах.

В моей голове сочувствие сменяется раздражением по поводу этих самых барышень. Кто они такие? Где живут? Почему я их раньше нигде не встречала? Девочек видела, девушек, тётенек, бабушек, а эти барышни мне никогда почему-то не попадались!

Перед обедом отправляемся на прогулку. Во дворе Марина Николаевна опять их упомянула, когда я залезла на бочку, в которой привозили воду для нашего детского сада. Но тут уж терпению моему пришёл конец.

– Ну и дуры эти ваши барышни! Как же это они так живут, если по бочкам даже прыгать не могут?! И спят-то, наверное, в шляпках и с сумочками в руках?! – выпалила я с возмущением.

Милая няня, ты была человеком другой эпохи – ласковая, спокойная, с внутренним стержнем и чувством собственного достоинства, великолепным вкусом и ясным умом. Твоя мудрость и любовь позволяли терпеть все мои выходки. Несмотря ни на что, я была для тебя милым ребёнком. Прости меня и спасибо тебе за всё! Я запомнила твои уроки на всю жизнь.

P.S. Но мне всё равно жаль, что барышням нельзя на бочки залезать. Или можно? Если снять шляпку и зонтик в кустах спрятать?

Крокодил

1957 год. Лёня

У Лёни день рождения. Он очень ждал этого события, потому что ему ещё никогда в жизни не было четыре года. Он мечтал, что ему подарят щенка или котёнка. Но, увы, этого не случилось. Хотя огромному грузовику и другим подаркам он был тоже рад. Но щенок или кто-нибудь ещё были бы лучше.

Вечером с поздравлениями к нам заглянул сосед дядя Саша и, выяснив причину немного грустного настроения именинника, ненадолго удалился. Вернулся он с небольшой ко-

робочкой, вручил её брату и сообщил, что там лежит яйцо. Да не простое! Это яйцо крокодила! Если Лёня его высидит, из него вылупится сынок – крокодильчик. Вот это да! Свой собственный крокодил! Ни у кого такого чуда нет, а у Лёни будет! Я была очень рада за него.

О, это яйцо! Оно даже не догадывалось, какие надежды на него возлагались. Его содержимое не могло и мечтать о карьере, которую мы для него готовили. Я сразу представила, как на папином ремне с бубнами и танцами мы выведем аллигатора на прогулку. Всё движение на улице Жданова сразу остановится. А когда доберёмся до улицы Свердлова, за нами будет идти уже целая толпа восхищённых граждан. Мы будем разрешать людям нас фотографировать и делиться с ними автографами. Правда, в силу своих неполных трёх лет, я не совсем ясно понимала смысл этого загадочного слова. Но мама-то знает, она нам в сетку положит этих автографов, а мы будем их щедро раздавать направо и налево.

Подготовка к рождению малыша началась сразу. Лёня взял свой ночной горшок, а я положила в него моё новое фланелевое платье, чтоб яйцу потеплее было. Будущий папа уселся сверху.

Прошёл час. Брат добросовестно выполнял свои обязанности по высиживанию сына. Прошёл ещё один час. Лёня захотел есть и предложил мне на время заменить его на важном посту. Но я категорически отказалась, мотивируя тем, что вдруг крокодил вылупится и укусит меня, я же ему чу-

жой человек. И мне потом будет стыдно за его поступок. Правда, мама объяснила, что я буду этому малышу тёткой. Гордости моей не было предела!

1957 год. Алёнка и Лёня

Лёня обиделся и предупредил, что не разрешит мне потом играть со своим сынком. Как бы не так! Он не сможет разлучить меня с родным племянником. Но тем не менее пришлось ему с этой просьбой обращаться к маме. Она тоже не очень горела желанием участвовать в таком важном процессе, как высиживание крокодила на горшке. Пришёл на помощь папа. Он сказал, что нет ничего страшного, если

какое-то время яйцо полежит одно. Папа – врач, поэтому он лучше всех знает, как нужно высиживать крокодилов. И Лёня с чистой совестью отправился ужинать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.